

Реформа третейских судов: итоги обсуждения

25.12.2015

НОВОСТИ КОМПАНИЙ

15 декабря 2015 года Государственная Дума Российской Федерации одобрила в третьем чтении два законопроекта так называемой третейской реформы, далее – «Законопроекты» (практический обзор наиболее значимых изменений рассмотрен в [Информационном меморандуме о новом законодательстве об арбитраже в Российской Федерации](#)):

- проект Федерального Закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», призванный заменить ныне действующий Федеральный Закон «О третейских судах в Российской Федерации»[\[1\]](#) в качестве основного закона, регулирующего третейское разбирательство; а также
- проект Федерального Закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» в связи с принятием Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», которым, среди прочего, предполагается внесение изменений в Закон «О международном коммерческом арбитраже»[\[2\]](#).

9 декабря 2015 года Российским национальным комитетом Международной торговой палаты (ICC Russia) в партнерстве с Российской арбитражной ассоциацией (РАА) при активной поддержке Международного арбитражного суда ICC была проведена ежегодная арбитражная конференция «Россия как место разрешения споров». Итак, готовившаяся три года реформа близка к своему окончательному оформлению. Многие представители юридического сообщества ожидали от спикеров конференции, среди которых были и представители

Минюста РФ, комментариев и пояснений. В настоящем обзоре мы рассмотрим основные тезисы выступлений сессии конференции, посвященной данной реформе.

Конференцию открыл выступивший с приветственным словом заместитель Министра юстиции Российской Федерации **Михаил Гальперин**. Он подчеркнул, что основной причиной реформы было то, что в настоящий момент большое количество арбитражных учреждений *«с арбитражем связаны только названием»* и не имеют ничего общего ни с третейским разбирательством в общеправовом смысле, ни с его общемировой практикой. В российской действительности третейское разбирательство подчас используется в недобросовестных, даже преступных целях: для рейдерских захватов, для отъема собственности, оформления незаконных схем ведения бизнеса. При этом, по словам **Михаила Гальперина**, самым страшным, с чем столкнулись авторы Законопроектов при подготовке реформы, стало то, что *«такое положение дел стало нормой в сознании очень многих коллег»*. К сожалению, за время существования свободного регулирования арбитража, третейское сообщество не смогло само справиться с указанными проблемами. Все это привело к тому, что, с одной стороны, проведение арбитража в России стало терять свою привлекательность для бизнеса, а с другой стороны, у государственных судов стали накапливаться претензии к независимости арбитража и качеству выносимых решений. Именно эти обстоятельства обусловили необходимость проведения третейской реформы. При этом **Михаил Гальперин** подчеркнул, что государственные суды не видят в третейских судах конкурентов: они заинтересованы в качественных решениях третейских судов, и именно поэтому поддерживают проведение реформы.

Г-н Гальперин признал, что для решения указанных проблем авторам Законопроектов пришлось применить *«достаточно строгие механизмы государственного регулирования в части создания постоянно действующих арбитражных учреждений»* (ПДАУ). Данные изменения не коснутся Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (МКАС) и Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (МАК), которые, как и ранее,

будут регулироваться на законодательном уровне[3], и им не нужно будет подтверждать право на осуществление своей деятельности. При этом **г-н Гальперин** особо подчеркнул, что Законопроекты не только не исключают создания новых центров арбитража, но их авторы, наоборот, надеются на активное создание таких центров, отвечающих высоким установленным законом требованиям. При этом сами эти требования едины, и будут распространяться на МКАС и МАК, которые должны будут привести свою деятельность в соответствии с новыми законами, также как и на все иные ПДАУ.

Как отметил **г-н Гальперин**, реализация реформы невозможна без активного участия самого юридического сообщества. И поэтому создаваемый в рамках реформы Совет по совершенствованию третейского разбирательства будет только на треть состоять из чиновников, а две трети мест будут занимать представители профессионального сообщества. Совет будет иметь полномочия на выдачу рекомендаций на осуществления деятельности ПДАУ.

Г-н Гальперин также кратко коснулся некоторых предусмотренных Законопроектами изменений. По его словам, «процессуальные» нормы законодательства об арбитраже были приведены в соответствие с лучшей международной практикой, при их разработке были учтены многие положения типового закона ЮНСИТРАЛ в редакции 2006 года[4]. Правда, при этом обеспечительные меры в третейском разбирательстве реформой не предусмотрены, однако **Михаил Гальперин** не исключил введения соответствующих изменений в будущем, когда будут видны позитивные итоги реформы. Законопроектами предусмотрено, что государственные суды становятся органами содействия и контроля для арбитража, что, по словам **Михаила Гальперина**, соответствует мировой практике. Также расширяется арбитрабельность споров, при этом установлено, что все исключения должны быть прямо указаны в законе. **Михаил Гальперин** выразил уверенность, что по мере реализации реформы количество таких исключений будет сокращаться.

Первым докладчиком в собственно программе сессии выступил **Хосе Рикардо Ферис**, заместитель Генерального секретаря Международного арбитражного суда ICC (Суда ICC).

Г-н Ферис

совершил небольшой экскурс в историю Суда ICC, и затем особо остановился на значительном вкладе Суда ICC в развитие международного арбитража. В своем выступлении **Хосе Рикардо Ферис** отметил, что такие инструменты, как акт о полномочиях арбитров, назначение арбитров в многосторонних спорах, прямой выбор применимого права арбитрами (*la voie direct*), были впервые применены именно в практике Суда ICC. **Г-н Ферис** подчеркнул, что многие нововведения Арбитражного регламента Суда ICC редакции 2012 года сейчас повсеместно используются в мировой арбитражной практике: в частности, это касается вопросов регулирования рассмотрения многосторонних споров и споров из нескольких договоров, соединения исков, вступления в иск третьих лиц. **Г-н Ферис** также поделился основными направлениями дальнейшей работы по совершенствованию арбитража в рамках Суда ICC. Среди прочего, акцент будет сделан на повышении эффективности арбитража и сокращении издержек для сторон спора, повышении прозрачности принятия решений и большей их публикации.

Александра Усачева, заместитель директора Департамента экономического законодательства Министерства юстиции Российской Федерации, представила краткий обзор основных новелл реформы, а также сфокусировалась на некоторых изменениях, внесенных в Законопроекты ко второму чтению. **Г-жа Усачева напомнила, что краеугольным камнем реформы остается идея о том, что ПДАУ могут быть учреждены только при некоммерческих организациях (НКО) на основании акта Правительства, по рекомендации Совета по совершенствованию третейского разбирательства, и на основании анализа соответствия установленным требованиям. Законопроектами предусмотрены следующие критерии, которым должны отвечать ПДАУ (по сравнению с первоначальным вариантом, их число было сокращено с шести до четырех):**

- 1) соответствие правил ПДАУ требованиям Закона об арбитраже (третейском разбирательстве) в РФ;
- 2) наличие у ПДАУ рекомендованного списка арбитров;

3) достоверность представленной информации об НКО, при которой создается ПДАУ;

4) репутация, масштаб и характер деятельности такой НКО, позволяющие обеспечить высокий уровень организации деятельности ПДАУ.

Г-жа Усачева также коснулась регулирования деятельности иностранных арбитражных учреждений, желающих администрировать разбирательство на территории России. В отношении таких учреждений будет действовать общий режим, установленный законом. Для того чтобы иметь возможность администрировать споры в рамках расширенной компетенции, предусмотренной Законопроектами только для ПДАУ (в том числе корпоративные споры), такие иностранные учреждения должны быть признаны в качестве ПДАУ на основании акта Правительства РФ, также как и российские учреждения. Однако для иностранных арбитражных институтов будет установлен только один критерий – наличие международно признанной репутации. В отсутствие у иностранного арбитражного учреждения статуса ПДАУ по российскому законодательству, решения по администрируемым им спорам будут признаваться в качестве решений по конкретному спору (ad hoc). При этом, подчеркнула **Александра Усачева**, применительно к рассмотрению споров судами ad hoc Законопроектами установлены определенные ограничения по сравнению со спорами, администрируемыми ПДАУ: суды ad hoc не смогут рассматривать корпоративные споры, для них не предусмотрено содействие государственных судов в получении доказательств, решение судов ad hoc не могут являться окончательными.

Окончателюность решения третейского суда возможно будет предусмотреть только прямым соглашением сторон. При этом окончательное решение может быть отменено государственным судом в случаях, если спор не арбитрабелен или если решение противоречит публичному порядку.

Все неарбитрабельные категории споров должны быть прямо указаны в законе. В настоящее время такими спорами являются, например, споры из госзакупок, однако они могут стать

арбитрабельны в будущем, после внесения соответствующих изменений в законодательство. Что касается арбитрабельности корпоративных споров, **Александра Усачева** резюмировала новеллы Законопроектов следующей формулой: «внешние» корпоративные споры являются арбитрабельными, «внутренние» корпоративные споры – частично арбитрабельными. Она также обратила внимание присутствующих на то, что все арбитрабельные корпоративные споры могут быть рассмотрены в третейском разбирательстве только после 1 февраля 2017 г.

В своем выступлении **Александра Усачева** также затронула изменения, касающиеся регулирования исполнения решений третейских судов. В частности, Законопроектами предусмотрено сокращение срока рассмотрения государственными судами вопроса об исполнении арбитражного решения с 3 до 1 месяца (с 1 января 2017 года), а также четкое закрепление общего правила о недопустимости пересмотра арбитражного решения по существу. Дела о принудительном исполнении арбитражных решений будут рассматриваться по первой инстанции в районных судах и арбитражных судах субъектов Российской Федерации, стороны при этом вправе заключить соглашение об определении территориальной подсудности таких разбирательств. Еще одно нововведение заключается в том, что внесение изменений в юридически значимые реестры возможно только при наличии исполнительных листов, выданных государственными судами.

Ожидаемые изменения в режиме международного коммерческого арбитража в России

Алексей Костин, председатель Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ, рассмотрел новеллы Законопроектов с точки зрения регулирования международного коммерческого арбитража. В начале своего выступления **г-н Костин** поделился своим мнением о том, что разработка Законопроектов, на его взгляд, проходила более тяжело, чем разработка действующих сейчас Закона о международном коммерческом арбитраже и Закона о третейских судах. По его словам, это связано с тем, что за прошедшее с принятия этих актов время появилось много лиц, имеющих разные интересы и позиции в

отношении третейской реформы. Однако **г-н Костин** признает *«вполне приемлемым»* то, как реформа воплотилась в Законопроектах.

Г-н Костин напомнил присутствующим, что когда в нашей стране только начинался переход к рыночному регулированию, у законодателей широко был распространен подход «рынок все рассудит». Сейчас, с опытом, общий подход несколько изменился: рынок может решить не все, и необходимо определенное государственное регулирование. Аналогичным образом, сейчас становится очевидно, что государственное регулирование необходимо и в сфере третейского правосудия, – конечно, в определенных законом пределах.

Перейдя собственно к анализу новелл, **Г-н Костин** заметил, что Законопроектами сохранен дуализм законодательного регулирования, т.е. параллельное существование двух законов: о внутреннем арбитраже и о международном коммерческом арбитраже. Возможно, в будущем регулирование естественным путем придет к единому закону, но на данном этапе, по мнению **г-на Костина**, сохранение двух законов оправдано.

Одной из главных новелл в соответствии с предусмотренными реформой Законопроектами, является расширение юрисдикции международного коммерческого арбитража. Как отметил **г-н Костин**, она теперь будет максимально приближена к формулировкам типового закона ЮНСИТРАЛ. Помимо случаев, когда коммерческое предприятие хотя бы одной стороны находится за границей, появятся новые критерии для рассмотрения споров в международном коммерческом арбитраже: в случаях, если за границей находится место, где должна быть исполнена большая часть обязательств, или место, с которым наиболее тесно связан предмет спора. В международном коммерческом арбитраже будут рассматриваться также споры, возникшие в связи с осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации и российских инвестиций за границей (в этой части формулировки закона также претерпевают изменения^[5]).

В рамках реформы также расширяется компетенция МКАС: теперь он сможет рассматривать и «внутренние споры», между субъектами права Российской Федерации. **Г-н Костин**

подчеркнул, что с практической точки зрения существующие формулировки арбитражных соглашений не потеряют силу: даже если в соответствии с новыми правилами спор не попадет в категорию международных и будет признан «внутренним», он все равно останется в компетенции МКАС.

Государственная регистрация третейских судов: мировой опыт

Галина Жукова, доктор юридических наук, юрист компании White & Case (Париж), познакомила присутствующих с практикой государственной регистрации третейских судов в некоторых странах мира. По словам **г-жи Жуковой**, в праве многих стран[\[6\]](#) отсутствуют особые требования к регистрации арбитражных институтов: они могут быть созданы некоммерческой организацией (non-profit organization) и при этом не требуют специальной регистрации или аккредитации со стороны государства.

Однако предусмотренное российской третейской реформой условие о необходимости получения ПДАУ права на осуществлении своей деятельности актом Правительства концептуально не является чем-то новым в мировой законодательной практике. Как показала **г-жа Жукова**, требования к регистрации арбитражных судов в настоящий момент присутствуют в праве некоторых государств. В своем выступлении **Галина Жукова** более подробно остановилась на регулировании порядка образования третейских судов в Казахстане[\[7\]](#), Китае[\[8\]](#), Латвии[\[9\]](#), Украине[\[10\]](#), Чехии[\[11\]](#) и Словакии[\[12\]](#).

Требования регистрации арбитражных учреждений

В завершении сессии выступил **Роман Зыков**, генеральный секретарь Российской Арбитражной Ассоциации (РАА). **Г-н Зыков** согласился с тем, что в сфере третейского правосудия в России сложилась достаточно серьезная ситуация, однако он при этом выразил опасения в необходимости некоторых принимаемых в рамках третейской реформы мер.

Так, по словам **Романа Зыкова**, у некоторых арбитражных институтов опасения вызывают

содержание и формулировки критериев, которым они должны отвечать для того, чтобы в будущем получить право осуществлять свою деятельность в качестве ПДАУ. Так, по мнению **г-на Зыкова**, оценочным является такой критерий, как наличие у НКО репутации, масштаба и характера деятельности, позволяющих обеспечить высокий уровень организации деятельности создаваемого ПДАУ. Как подчеркнул **г-н Зыков**, даже с учетом правок, внесённых в Законопроекты после первого чтения, остается неясно, как будет оцениваться репутация НКО. Такая же проблема возникнет и применительно к иностранным арбитражным учреждениям, у которых критерий репутации является единственным для возможности осуществлять администрирование споров в России в качестве ПДАУ.

В таких условиях, отметил **г-н Зыков**, существует риск того, что существующие ныне российские арбитражные институты, не чувствуя уверенности в своем будущем, могут перестать инвестировать в свое развитие (вкладываться в материально-техническое обеспечение, работать над регламентами, работать с арбитрами и т.д), и в виду этого третейское разбирательство в целом может потерять свою привлекательность для бизнеса. По мнению **Романа Зыкова**, в случае, если Законопроекты будут приняты в существующем виде, решение указанных проблем должна дать практика, однако также могут потребоваться и некоторые законодательные изменения.

Обзор подготовлен специальным корреспондентом Legal Insight Хосе Тобаром.

[1] Федеральный закон от 24 июля 2002 г. N 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации».

[2] Закон РФ от 7 июля 1993 г. N 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже».

[3] См. Закон РФ от 7 июля 1993 г. N 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже», Приложение 1. Положение о Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, Приложение 2. Положение о Морской

арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации.

[4] Типовой закон Комиссии Организации Объединенных наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) о международном торговом арбитраже, 1985 г. (с изменениями, принятыми в 2006 г.).

[5] В действующей в настоящее время редакции Закона о международном коммерческом арбитраже речь идет о спорах с участием «предприятий с иностранными инвестициями», созданных на территории Российской Федерации.

[6] Например, Англия, Германия, США, Франция, Швейцария, Гонконг, Сингапур, и др.

[7] См. Закон о международном арбитраже 2013 г., Закон о третейских судах 2004 г.

[8] См. Закон об арбитраже 1995 г.

[9] См. Закон об арбитраже 2014 г.

[10] См. Закон о третейских судах 2004 г.

[11] См. Закон об арбитраже 1994 г.

[12] См. Закон об арбитраже 2014 г.